

Природные заповедники России как социально-общественный феномен*

Ф.Р. Штильмарк

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова РАН, г.Москва. 2001.

Скончавшийся в начале 2000 г. академик Никита Николаевич Моисеев, признаваемый прямым продолжателем идей и концепций В.И. Вернадского, в ряде капитальных своих трудов, в частности, недавней книге "Быть или не быть...человечеству?" настоятельно подчеркивал реальность и значимость стремительно нарастающего экологического кризиса (по его выражению — "проклятья, вызванного цивилизацией"), который все более настойчиво угрожает глобальным кризисом нашей планете и всему человечеству. Для преодоления этого кризиса и спасения вида *Homo sapiens* требуются уже не только радикальные меры по рационализации природопользования, или четкое выполнение программ "устойчивого развития" (точнее, принципа "Sustainable development", что не вполне тождественно принятому русскому переводу), но и решительное изменение принципиальных основ людского бытия, включая моральнонравственные, и прежде всего — во взаимоотношениях человечества с природой.

В своем предсмертном обращении к участникам "круглого стола", на котором обсуждалась указанная книга, Н.Н. Моисеев не впервые пророчествовал: "Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости... Можно лишь утверждать.., что планета и мировое сообщество вступили в новую стадию развития... Деятельность человечества, вероятнее всего, ведет к деградации биосферы и неспособна гарантировать существование Человека в ее составе... Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг — и человечество сорвется в пропасть..."

...Новая цивилизация должна начаться не с новой экономики, а с новых научных знаний и новых образовательных программ. Человечество должно научиться жить в согласии с природой, ее законами. Люди должны воспринимать себя не господами, а частью природы. Новые моральные принципы должны войти в кровь и плоть Человека." ("Мыслитель планетарного масштаба", М., 2000, с. 18-19). Таков общий фон, на котором приходится сегодня рассматривать те или иные конкретные экологические проблемы.

В наши дни одной из наиболее реальных форм сохранения биоразнообразия и земной природы в целом принято считать системы разнообразных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), причем наиболее высокой их категорией справедливо признаются государственные природные заповедники. Первый такой заповедник России (Баргузинский) был официально учрежден в конце 1916 г., но фактически истоки отечественного заповедного дела берут начало во второй половине XIX века, в частности, с опытных участков В.В. Докучаева (Насимович, 1979; Штильмарк, 1996). В конце 2000 г. в Российской Федерации организован СОТЫЙ по общему счету действующий природный заповедник; их суммарная площадь составляет 33,5 млн. га, что близко к двум процентам от всей территории страны.

Действующая ныне система государственных заповедников прошла длительный путь развития и всевозможных преобразований. Анализируя этот весьма сложный процесс, мы убеждаемся в том, что главной его чертой была НЕОБЫЧАЙНАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ, проявлявшаяся буквально во всех

аспектах становления и деятельности наших заповедников — от выбора их территорий и законодательных основ до конкретной текущей работы.

Согласно классическим представлениям о заповедности и природных заповедниках, сформулированным в конце XIX — начале XX веков В.В. Докучаевым, Г.А. Кожевниковым, И.П. Бородиным, В.Н. Сукачевым и другими видными биологами, заповедники создавались в качестве эталонов природы на ландшафтно-географической основе, причем главным их принципом, как мы неоднократно подчеркивали, признавался ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА людей в заповедную природу, которая как бы передавалась из человеческого подчинения "в пользование" ее коренных обитателей, то есть обитавших на ней растений и животных. Вместе с тем, одновременно предусматривалось учреждение при заповедниках опытных научных станций для проведения долговременных наблюдений и исследований.

Уже в этом исходном постулате было заложено существенное противоречие, ибо научные исследования, проводимые на территории заповедников, неизбежно требуют определенного и подчас довольно значительного вмешательства в жизнь тех или иных "коренных обитателей". Отстрелы и отловы животных, сборы всевозможных коллекций и гербариев (включая даже самые редкие виды), закладка пробных площадей с проведением разного рода экспериментов — все это осуществлялось и осуществляется в наших природных заповедниках как нечто само собой разумеющееся: и только в самые последние годы на это обратили внимание отдельные сторонники взглядов А. Швейцера и соблюдения экологической этики (Швейцер, 1992; Никольский, 1996; Борейко, 1998; Борейко и Поминова, 2000 и др.). Более того, в свете высказываний Н.Н. Моисеева, стоит обратить внимание на развиваемые В.Е. Борейко нетрадиционные представления об "идеологии заповедного дела", согласно которым следует отойти от привычных нам научно-материалистических принципов, заменив их своеобразной "религией природоохраны", когда интересы человека должны уступить место интересам заповедной ("дикой") природы.

"Как попугаи мы повторяем байку, что заповедники создаются для науки, а чтобы полюбить природу, ее надо изучить (во что давно уже никто не верит), и одновременно стесняемся или боимся признаться в своих ощущениях дикой природы как священного пространства" (Борейко, Поминова, 2000, с. 5). Если учесть, что наши заповедники с момента их зарождения возникали как научные учреждения, официально оставаясь ими по сей день, а также тот факт, что в них работает около 500 научных сотрудников, осуществляющих экологический мониторинг ("Летописи природы") и ряд разнообразных научных программ ("Научные исследования...", 1997; "Организация научных исследований...", 1999 и др.), то расхождения и противоречия между общепринятыми взглядами ученых и новаторскими суждениями В. Е. Борейко кажутся совершенно непреодолимыми. Но так ли это на самом деле? Даже в сугубо атеистические советские времена в слова "заповедь" и "заповедник" вкладывался, как писал О.В. Волков (1976) "некий СВЯЩЕННЫЙ смысл". Ни один из энтузиастов заповедного дела, надо надеяться, не откажется от известного афоризма Жана Дорста о том, что природу может спасти от гибели только наша любовь ("Природа будет ограждена от опасности только в том случае, если человек хоть немного полюбит ее просто потому, что она прекрасна и потому, что он не может жить без красоты..." (Дорст, 1968, с. 405)).

Но формы антропогенного вмешательства в заповедную природу при научных исследованиях не идут ни в какое сравнение с тем, что на самом деле допускалось и допускается в наших заповедниках, причем на правовой основе, в соответствии с действующим законодательством. Двоемыслие и демагогия, столь присущие советскому строю (когда провозглашалось одно, а делалось нечто совершенно иное), особенно ярко проявились именно в сферах охраны природы и заповедного дела.

Почти во всех законах и положениях о заповедниках говорилось о "вечном" и "полном" прекращении "всякой" хозяйственной деятельности, после чего следовали длинные разделы и параграфы, позволявшие не только проводить биотехнические мероприятия и регулирование численности животных (проще говоря — массовые отстрелы или отловы), не только устройство музеев и питомников, но и разнообразное строительство, прокладку коммуникаций, дорог и просек (чего только не делалось в заповедниках также и при лесоустройстве!), рубку и посадку лесов, ловлю рыбы и т.д., и т.п... Десятки, а порой до сотен единиц всевозможной техники, включая гусеничные трактора и тяжелые вездеходы бороздили заповедные земли, и все это считалось (и считается сегодня) в порядке вещей. Редкие призывы отдельных наивных лиц использовать в транспортных целях лошадей и ездовых собак воспринимаются как некое чудачество.

Обратимся к другому, ничуть не менее явному, но очень слабо отраженному в литературе вопросу относительно выбора территорий под заповедники, самого процесса их организации. Научные принципы здесь известны — от прежних регионально-географических подходов до комплексных экологических, когда заповедники рассматриваются в качестве элементов более обширных СИСТЕМ ООПТ (Реймерс, Штильмарк, 1978 и др.). Но что же мы видим в реальности?

Первоначально главными и вполне прагматическими мотивами создания заповедников были интересы охраны наиболее ценных — для хозяйства! — животных (соболя, зубра, бобра, выхухоли, северного оленя, охотничьих птиц в дельте Волги или гаги на Севере). Позднее и вплоть до нашего времени очень важную роль играли факторы субъективности и престижности, когда происходило своего рода "соревнование" тех или иных "субъектов Федерации" (особенно это было характерно для автономных республик). "Почему это у наших соседей есть госзаповедник, а у нас его нету?" — грозно спрашивал некий секретарь обкома (или глава администрации), после чего в центр направлялись соответствующие запросы и ходатайства. Иногда существенную роль могла играть инициатива отдельных энтузиастов, но так или иначе сугубая субъективность или конкретные интересы хозяйственников как правило преобладали над любыми доводами науки. Правда, усилиями ученых были разработаны известные "перспективные планы" сети заповедников СССР и Российской Федерации, а также официальные "Генсхемы", но более половины из намеченных вариантов по сей день остались на бумаге (Штильмарк, 1997; Сыроечковский, Штильмарк, 2000 и др.). Приведем лишь некоторые примеры из противоречий этого рода. Ни в каких научных планах и генсхемах мы не отыщем многих заповедников, созданных в последнее десятилетие — таковы, в частности, "Бастак" (Еврейская автономная область); "Большая, Кокшага" в Республике Мари-Эл; Джергинский в Бурятии; "Норский" (Амурская обл.); "Нургуш" (Кировская обл.); Полистовский в Псковской области и смежный с ним Рдейский в Новгородской; Присурский в Чувашии; Тигирекский в Алтайском крае (намечался как национальный парк); "Эрзи" в Ингушетии. Крайне неудачно выбрана территория бездействующего Гыданского заповедника (Ямало-Ненецкий авт. округ), между тем как остаются неосуществленными такие насущные и весьма важные для охраны природы объекты как проектируемые заповедники на Южном Ямале и в дельте Селенги (недавно там начаты буровые работы в поисках нефти, несмотря на то, что эти участки относятся к нескольким категориям ООПТ); чуть ли не сто лет предлагается Барабинский лесостепной заповедник и ряд других вариантов. Из ранее необоснованно ликвидированных заповедников не восстановлены Саянский, Клязьминский, "Тульские засеки", "Бузулукский бор" и ряд других.

Стоит напомнить, что в столичной Московской области ранее имелось 7 заповедников, а сейчас невозможно создать хотя бы еще один в дополнение к единственному Приокско-Террасному, попытки расширения которого окончились неудачей. Короче говоря, развитие заповедной системы шло и

продолжает идти по явно антинаучному пути компромиссов с разными уровнями власти, и это противоречие непреодолимо уже почти столетие...

Такое положение лишь отчасти можно поставить в укор нашим природоохранным ведомствам, тем более, что структуры их постоянно меняются (вспомним, что Государственный Комитет по охране природы, создание которого предлагалось еще до 1917 г., был учрежден лишь в 1988 г. и после ряда преобразований недавно расформирован). Все указанные противоречия явственно отражают тот социально-общественный феномен, который представляет собой наша заповедная система. Достойны большого уважения работающие в ней энтузиасты, причем не только те, кто трудится непосредственно в заповедниках, но и деятели управленческой сферы, так или иначе тянущие эту нелегкую лямку. Конечно, предпочтительнее было бы, как писал мне в 1964 г. покойный Н.Ф. Реймерс, работавший тогда на Сахалине, "чтобы наш экологический воз тянула лихая тройка, но не лебедь, рак и щука."

Ведь указанные недостатки и противоречия есть прежде всего отражение всей социальной ситуации, сложившейся в нашей стране, в частности, в сфере экологии. Мы наблюдаем явный откат общественного экологического движения от "бума" конца 1980-х гг. к нынешнему положению, когда на глазах возвращаются лозунги лысенковских времен о покорении природы и доводы в пользу возобновления былых "строек века" (одна из них — сооружение Юмагузинского водохранилища на реке Белой, не уступающей красотой Катуню) или даже поворота северных рек. Поэтому перед заповедным делом ныне могут возникать — и возникают! — новые немалые проблемы. Одной из самых серьезных угроз нам представляется тенденция на "конвергенцию" природных заповедников и национальных парков (НП), которые стали создаваться в Российской Федерации лишь с начала 1980-х годов. Здесь также заложено серьезное противоречие, которое может привести к последствиям весьма печальным для природы и общества. Ведь наши заповедники, при всех изъянах, все же в большинстве своем отражают величие относительно первозданной природы, которой в мире осталось так мало, а в Европе нет вовсе.

Главное же назначение национальных парков — сохранение природы не ради нее самой, а в интересах общения с людьми. Туризм — пусть даже "экологический" (хотя термин этот весьма сомнителен уже в своей основе) — всегда представляет собой вполне определенную форму хозяйственной деятельности, юридически недопустимую в природных заповедниках и губительный для них. Почему-то эту несложную истину чаще признают зарубежные ученые. Вот лишь одно высказывание: "...когда построится последний гостевой домик, и будет создано множество удобств, необходимых туристам, ЗАПОВЕДНИКИ ПЕРЕСТАНУТ СУЩЕСТВОВАТЬ, ибо именно отсутствие человека определяет систему заповедников" (О.Родес, цит. по А.Горяшко, 2000; см. также Д.Харпер, 2000 и др.). Не место гостям-туристам в заповедниках, что же касается форм и методов научной деятельности, то при желании можно избежать серьезных уронов.

Еще один парадокс из сферы "заповедных противоречий": фактическое перерождение заповедников в национальные парки началось в системе... Российской Академии наук (правда, не от хорошей жизни, а из-за отсутствия государственной заботы). Вот что с горечью писал зоолог Ю.Д.Чугунов, в прошлом главный проектировщик Дальневосточного морского заповедника: "...пришла пора сказать: заповедники себя изжили и должны перестраиваться в национальные парки. По этому пути уже идет наш Дальневосточный морской. Так, на острове Попова создана экскурсионная зона..." (Чугунов, 1998). Добавим, что не только сам ДВГЗ идет, но и других зовет за собой. Вот пример его официальной тематики: "Распространение опыта развития эколого-познавательного туризма и эколого-экскурсионной деятельности в заповедники Дальнего Востока". Ожидаемые результаты: "Увеличение числа экскурсантов и экотуристов на базе вовлеченных заповедников до 5000 чел. в

первый год реализации проекта". Вроде бы, излишни комментарии! Но на эту тематику был выделен грант в 49 тыс. "зеленых" (подобная тематика как правило охотно и щедро спонсируется). По существу не имел (и не имеет) заповедного режима "строгий академический" Ильменский заповедник — один из первых в СССР.

Рассуждая прагматически, общественная роль национальных парков на данном этапе более существенна по сравнению с подлинными природными заповедниками, несмотря на все их высокое предназначение. Во всяком случае, нацпарков должно быть в стране больше по сравнению с заповедниками и по количеству, и по площади (сейчас их число почти в три раза меньше, чем заповедников). При должной постановке дела, они вполне могут обеспечить материально не только сами себя, но и поддержать финансами другие типы ООПТ, включая заповедники. Именно национальные парки (а не заповедники — будь то научные или "священные") способны стать "гордостью народа и символом нации", тогда как рекламировать заветные заповедные земли вообще есть дело сомнительное (впрочем и в этом пункте скрыто явное противоречие).

"По идее" — сугубо теоретически — часть наших заповедников несомненно может быть преобразована в национальные парки. Яркий пример тому — экскурсионный участок заповедника "Столбы", который всегда имел статус НП, а не заповедный. Обследуя массивы брянских лесов, мы убедились, что форма национального парка здесь гораздо предпочтительнее заповедника, надо было бы только выделить в таком парке (он мог быть весьма обширным) ряд заповедных участков или зон. Думается, что это же относится и к ряду других территорий Европейской России, где лишь недавно созданы заповедники, неизменно вступающие в острые конфликты с местным населением (Керженский, Калужские засеки и ряд других). Другое дело, что понижение статуса может привести к нежелательным последствиям — значит, надо было сразу создавать не заповедники: а национальные (федеральные) или природные (муниципальные) парки — последние приобретают популярность в ряде регионов Сибири и Дальнего Востока. Заметим также, что ПОДЛИННЫЕ природные заповедники как правило не могут занимать огромные пространства на миллионах гектаров, и не только потому, что невозможно обеспечить реальную охрану — такой гигантизм может вызвать общественный протест и дискредитировать саму идею настоящей заповедности. Более того, в отдаленных районах Крайнего Севера или ДВ создание госзаповедников при современных реалиях способно даже увеличить антропогенный пресс на относительно нетронутую ранее природу.

Ограниченность публикации не позволяет детально обсудить противоречия в подходах разных авторов и специалистов к проблеме создания новейших концепций системы охраняемых природных территорий и оценить роль тех или иных научных или общественных организаций в разработке этой тематики (см. "Охраняемые природные территории...", 1999; Дежкин, 1999; Дежкин, Пузаченко, 1999 и др.). Отметим лишь, что предложения некоторых из указанных авторов о ревизии общепринятых взглядов на заповедное дело и предлагаемая классификация природных заповедников вызывает возражения ряда специалистов. Подчеркивая значимость роли Российского представительства Всемирного Фонда Дикой Природы (WWF) и Центра охраны дикой природы (ЦОДП) в попытках оптимизации заповедной системы России, мы склонны с определенной опаской относиться к широкой пропаганде зарубежного опыта в этой сфере. Особую настороженность вызывает явно чрезмерная активность Центра "Заповедники" в стремлении поставить на первый план в деятельности наших природных заповедников экологическое просвещение: экопропаганду и экотуризм. Положительной стороной деятельности WWF и ЦОДП — надо надеяться! — должны быть признаны обширные проектные разработки по созданию систем ООПТ в ряде российских регионов, в частности, на Алтае и в Саянах ("Теория и практика...", 1999; Шурин, 2000 и др.).

Выше упомянутый нами автор (Горяшко, 2000) завершает свою интересную статью тезисом о том, что наши заповедники можно рассматривать "как первые примеры общества будущего, где люди уже сегодня научились жить в согласии с природой, ограничили свое присутствие и свои потребности ради гармоничного сосуществования всего живого". С этим можно согласиться лишь с очень существенной оговоркой, а именно: при условии, что люди живут ВНЕ заповедника, предоставив его природе не только из научных и экологических целей, но и ради высоких нравственных соображений. Но пока что в наших заповедниках все-таки хозяйничают именно люди, а не живая природа. Тем не менее, уже сегодня можно рассматривать отечественные природные заповедники как определенный шаг на трудном пути КОЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ, что по представлениям Н.Н. Моисеева приближает нас к понятию В.И.Вернадского о ноосфере.

"Изучение проблем коэволюции человека и биосферы открывает новое и, возможно, важнейшее направление фундаментальных исследований. Все предшествующее развитие научной мысли мне представляется предысторией развития науки, цель которой должна состоять в том, как обеспечить такую коэволюцию»" (Моисеев, 1999, с. 253). Думается, что наши заповедники могут внести существенный вклад в исполнение таких сверхзадач, особенно в том случае, если бы удалось преодолеть противоречия и разногласия между сторонниками научных, морально-этических и религиозных принципов заповедания.

ЛИТЕРАТУРА

Борейко В.Е. Святые дикой природы. Наброски к идеологии заповедного дела. Серия: охрана дикой природы, вып.8, Киев, 1998, 116с.

Борейко В.Е.,Поминова Е.В. Зарубежные философы дикой природы. Серия: охрана дикой природы, вып. 17, Киев, 2000, 122с.

Волков О.В. Чур, заповедано! М., Сов.Россия, 1976, 398 с.

Горяшко А. Житие заповедных зверей и людей // Независимая газета (Круг жизни). М., № 16, 05.10.2000, с. 4

Дежкин В.В. Категории и задачи охраняемых природных территорий России (к обновленной концепции заповедного дела). // Сб. науч. трудов экологического факультета. Науч. труды Международного независимого эколого-политологического университета (МНЭПУ), вып.1,М., изд-во МНЭПУ, 1999, с. 126-141

Дежкин В.В., Пузаченко Ю.Г. Концепция системы особо охраняемых природных территорий. Авторская версия. М., изд. Российского представительства ВВФ, 1999, 66 с.

Дорст Ж. До того, как умрет природа. М.,1968, 415с.

Моисеев Н.Н. Обращение... // "Мыслитель планетарного масштаба" М.: МНЭПУ, 2000, с. 15-19

Моисеев Н.Н. Быть или не быть...человечеству? М.,1999, 288с.

Насимович А.А. Дореволюционный период в развитии заповедного дела // Опыт работы и задачи заповедников СССР. М., Наука, 1979, с. 7-19

Научные исследования в заповедниках и национальных парках России (Федеральный отчет за 1992-1993гг.) М., 1997, 393с.

- Никольский А.А. Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела // Охрана живой природы. М, № 11 ("Про Эко"), 1996, с. 15-17.
- Организация научных исследований в заповедниках и национальных парках. Сб. докл. семинара-совещания г. Пущино-на-Оке, 18-26 декабря 1999, М., 1999, 242 с.
- Охраняемые природные территории: материалы к созданию концепции системы охраняемых природных территорий России. М., РПО ВВФ, 1998, 246 с.
- Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. М., Мысль, 1978, 296 с.
- Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Перспективы развития заповедной системы в Сибири //Заповедники Сибири, том 2, М.: Логата, 2000.
- Теория и практика организации международной биосферной территории на примере сети ООПТ Горного Алтая. Барнаул, 1999, 61 с.
- Харпер Дж. Биосферное мышление, империализм и заповедники // Сибирский экологический вестник, № 13-14, 2000, с. 42-49.
- Чугунов Ю. От заповедника к национальному парку // Утро России, М., № 63, /1722/, 4.04.1998.
- Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., Прогресс, 1992,573с.
- Штильмарк Ф.Р, Историография российских заповедников. М., Логата, 1996,340с.
- Штильмарк Ф.Р. Анализ эволюции системы государственных заповедников Российской Федерации. Автореф. докт. дисс. М., ИПЭЭ РАН, 1997, 27 с.
- Шурин Д. WWF приступил к реализации Алтай-Саянского проекта // Сибирский экологический журнал. № 13-14, Новосибирск, 2000, с. 72-73.